

По субботам

Под утро к ней приходили два сна. Один длинный, обыденный и скучный, у него много лиц, и все они кого-то напоминают. Этот сон наполнен раздраженными голосами и бесцельными действиями. Он ничем не отличается от будней, поэтому тяжел, скучен и сер...

Она просыпается и смотрит в окно. В доме напротив горят три квадратика — значит, уже часов шесть. Она долго лежит с открытыми глазами и думает. Потом небо светлеет, и плечам становится прохладно. И вот тогда возникает сон Второй.

Сначала он прыгает на форточку и долго сидит там, потом мягко и бесшумно спускается на подоконник. Она знает, что Сон здесь, но на него нельзя смотреть — улетит. Наконец он усаживается где-то у ее плеча и начинает легонько дуть ей на

мочку уха. Это ужасно приятно... Все предметы вокруг становятся зыбкими и погружаются в мягкий сиреневый свет, который постепенно вкрадывается в ночную комнату. Теплая и прозрачная дремота наплывает на нее, обнимает, качает на своих коленях, и она боится пошевелить головой, чтобы не отдавить лапку Второму сну...

Он здесь. Он легкими прикосновениями гладит ее лоб, щеки, плечи, рассыпает на темном небе закрытых глаз разноцветные калейдоскопические звезды и легко смешивает реальное с нереальным, как мягкие пластилиновые шарики.

...А совсем утром ей приснилось, что ее зовут обыкновенным хорошим именем Таня, таким уютным, домашним...

— Ева! — бабка стучала в стенку из кухни. Значит, завтрак готов, пора вставать. — Евка!

— Ну что ты стучишь, как гестапо! — сонно пробормотала она, заведомо зная, что бабка не услышит и будет колотить в стенку до тех пор, пока Евка не появится на кухне.

Она с закрытыми глазами нашарила шлепанцы и поплелась в ванную.

«Эта физиономия, — подумала она, разглядывая себя в зеркале над умывальником, — всегда напоминает мне о чем-то грустном».

Евка привыкла думать о себе как о чужом и не совсем приятном ей человеке. Почистив зубы, она внимательно посмотрела на свое отражение и сказала ему полусшепотом, чтобы бабка не слышала: «Папа говорит, что ничего — все девушки к шестнадцати годам расцветают. Что ж, будем надеяться... Но ты, дитя мое, что-то подозрительно долго не расцветаешь! Прости, конечно, но сдается мне, что ты просто-напросто кикимора!» — закончила она и водрузила расческу на место, потому что бабка любила порядок. Скуластая и раскосая Евка в зеркале ничего не ответила, но, наверное, затаила обиду.

— Евка! — опять крикнула бабка из кухни. — Все простыло!

«Ну и имечко!» — подумала Евка в миллионный раз. Она так часто думала именно этими словами, что у нее уже выработалась мысленная интонация. «Ну и...» — думала она на вдохе и делала крошечную паузу. «И — имечко!» — кончала она на выдохе и мысленно ставила три восклицательных знака.

— Ев-ка! Что ты сегодня, сдохла?!

— Пора, пора, рога трубят! — вполголоса пробормотала Евка. Она вообще была негромким человеком.

На кухне бабка сплетничала с соседкой.

— С женой он не разводился, — доверительно сообщала бабка, — но у него была еще женщина, любовница... — Увидев Евку, она смутилась и поправилась: — Он... он с ней... э-э... дружил...

— Да, — иронично и негромко сказала Евка, садясь за стол. — Дружил. С женой он дружил ночью, с любовницей — днем.

— Попридержи язык! — закричала бабка.

— А ты не сплетничай о моем отце, — спокойно ответила Евка. — Что там у тебя, котлеты? Я не хочу...

— Ничего, ты начни, аппетит разыграется.

— Разыграется, — буркнула Евка. — Ногами гамму до мажор в терцию.

Вообще она не любила долгие препирательства с бабкой, в которых та все равно выходила победителем. Она считала, что пожилым людям многое стоит прощать — так с ними легче жить.

Допивая свой чай быстрыми и мелкими глотками — она опаздывала на репетицию, — Евка доброжелательно сказала бабке:

— Заметь, каждое утро даю себе слово не огрызаться. Не из благих побуждений, мне просто лень... Но обещаю, шеф: если ты еще раз утром начнешь ломиться в стенку — я останусь заикой и,

как инвалид, буду жить на твоём иждивении. А это тебе не улыбается, насколько я понимаю...

Ее сапоги в коридоре стояли рядышком, сиротливо, как два новобранца с обнаженными головами, и Евка поскорей стала их натягивать. «Ты опять опоздаешь», — напомнила она себе. Потом она долго стояла на остановке троллейбуса. Здесь ходили только восьмой и одиннадцатый. Евка ждала одиннадцатый, и, как всегда в таких случаях, восьмые ходили один за другим, а одиннадцатых вовсе не было, и поэтому казалось, что восьмых на линии сто штук, а одиннадцатых всего два и водители обоих пьяны.

С утра шел снег... Медленные снежинки оседали на меховой шапочке с козырьком и на воротнике куртки.

Евка опаздывала на репетицию. Она играла в джазово-симфоническом оркестре при народной филармонии. В оркестре играли ребята из консерватории, из училища, и Евка — выпускница специальной музыкальной школы — была там самой маленькой. Она играла на фоне, а иногда, когда не приходил Рюрик, на клавишете...

Когда она пришла, ребята уже налаживали аппаратуру. Евка положила ноты на рояль и наблюдала, как Дима устанавливал микрофон. Он очень со-

средоточенно крутил что-то, время от времени откидывая назад спадающие на глаза черные волосы. У Димы была смуглая кожа, очень темные брови, ресницы и глаза, поэтому белки казались особенно яркими и светлыми.

«Слушай, а он тебе нравится, — сказала себе Евка и, немного подумав, небрежно ответила: — Да, чуть-чуть...»

— Раз... раз... — буркнул в микрофон Дима, и в динамике гулко отозвалось: — Раз, раз...

Евка подумала, что скучно, когда все, проверяя микрофон, говорят почему-то «Раз, раз...». Будто нет других слов... Она подошла и сказала в микрофон:

— Крокодил.

— Крокодил, — отозвалось в динамике.

Дима увидел ее и улыбнулся.

— А, праматерь! Привет, как жизнь?

С ним всегда можно было перекинуться парой интересных слов. С ним и с первой скрипкой — Акундиным. Акундин был совсем взрослым, он занимался на четвертом курсе консерватории и часто на репетиции приводил девушек. Каждый раз новую.

Бородатый Акундин вообще был занятым человеком. Он в совершенстве владел тем язы-

ком, на котором говорило его поколение. В первую репетицию он заметил Евке: «А ты здорово себя преподносишь, дитя...» И она сразу подумала, как много люди говорят бессмысленных и неточных слов. Она представила себя почему-то жареной курицей с торчащей вверх ножкой и как она себя преподносит...

Ерунда какая-то!..

— Рюрик просил передать тебе эти ноты, — сказал Дима. — Он опять заболел...

Евка взяла ноты и в который раз удивилась, какой этот Рюрик милый и предупредительный человек. На прошлой репетиции она вскользь заметила, что здорово было бы поиграть рапсодию Гершвина, да ноты трудно достать. И вот он бегал по городу, доставал, может быть, простудился из-за этого. Чудак такой... Евка вспомнила его ласковый, чуть косящий взгляд и улыбнулась. Он один из всего оркестра называл ее не «праматерью» и «прародительницей», а как-то забавно и щекотно, так что Евка морщила нос, когда он к ней обращался. Он называл ее «Еванька». Ужасно смешно! Евка опять вспомнила его ласковую, просящую улыбку и подумала: «Какой милый мальчик этот Рюрик. Нежный ко всем, без исключения... Князь Мышкин... Это, наверное, то, что называется свет-

лой личностью. Я бы хотела, чтобы у меня была собака с таким характером... Нет, нет, это ничуть не оскорбительно! — заверила она саму себя. — Настоящего друга-собаку с таким характером...»

— Рюрика надо навестить, — сказала она Диме, который, сидя на корточках, настраивал что-то еще... — Завтра воскресенье, ждите меня с Акундиным у киоска в двенадцать.

— Вопросов нет, — ответил Дима.

Потом пришел Акундин, весь белый от снега, с белой бородой и бровями, пришел руководитель оркестра Александр Никифорович, и все начали настраивать инструменты.

Евка сидела у рояля и брэнчала двумя пальцами. Подошел бородатый Акундин со скрипкой.

— Дайте-ка «ля», босс... — пропел он.

— Два доллара в кассу, — лениво парировала Евка и ткнула указательным пальцем в клавишу. Клавиша была белая, как зубы Акундина.

Может быть, из-за погоды, а может, из-за чего-то другого, репетиция шла вяло. Евка время от времени смотрела в окно на падающих с неба бесшумных паучков, и ей было скучно и тяжело — в общем-то ее всегдашнее состояние.

Перед ней сидел Дима, и она видела совсем близко его затылок и спину. Ей нравилось смот-

реть на его черные, блестящие волосы, нравилось смотреть, как он отсчитывает ритм ногой, нравилось, как иногда он оглядывался, встречался с ней глазами и приятельски подмигивал.

В перерыве музыканты встали покурить, Акундин с Димой пошли в буфет, а Евке нечего было делать. Слева стояла ударная установка. Евка знала секрет — если подойти вон к той большой тарелке и щелкнуть по ней пальцами, она издаст такой звук: «Чахxxx!». И тогда можно медленно и торжественно произнести: «Прошло двадцать лет...» И это смешно...

Подошли Акундин с Димой. Акундин жевал кусок колбасы с хлебом.

— Ты... неплохо сегодня... в соло... — промычал он Евке, пытаясь проглотить кусок.

— А я зато могу делать «Прошло двадцать лет...» — просто и доверчиво сказала Евка.

Дима чуть не умер от смеха, а Акундин перестал жевать и внимательно посмотрел на нее.

— Ты сегодня в расстроенных чувствах, девочка? — спросил он. И в голосе его не было ни капли насмешки.

— Да нет, в сущности... — ответила ему Евка. И чтобы Акундин понял, что отвечает она только ему, а не Диме, она посмотрела прямо в его ум-

ные и настороженные глаза. — Просто сегодня в связи с погодой, наверное, у меня разболелось одиночество. Но это чепуха, старые раны всегда ноют в непогоду... — И тут же ей стало стыдно, что она вдруг это сказала, и она быстро перебила себя: — Ой, ребята, слушайте, у меня кот необычайно талантлив. Возьму на фоно «ля» — он в ля мажоре мяукает, возьму «соль» — он воет в соль мажоре... Гениальный кот!

— Да нет, просто кот с музыкальным слухом, — серьезно сказал Акундин и посоветовал: — Ты приведи его к нам в оркестр, здесь и похуже есть.

Они посмеялись, потом Дима долго рассказывал о каком-то знакомом, который привез на остров двести яиц, вывел из них куриц и перепродал.

— Какой-то современный Робинзон Крузо со спекулятивным уклоном, — заметила на это Евка.

Они болтали, как всегда небрежно, обо всем и ни о чем, в сущности... Акундин с удовольствием пересказывал консерваторские сплетни до тех пор, пока Александр Никифорович не встал за пульт и не постучал палочкой, возвещая конец перерыва.

После репетиции они вышли втроем на улицу и остановились у киоска — Дима покупал журнал «Смена». Акундин, запрокинув голову, посмотрел на небо, и его борода сразу стала похожа на бороду умирающего Бориса Годунова.

— Посмотрите, какая туча надвинулась на этот город! — сказал он, и с этого момента Евка поняла, что здорово его уважает. За то, что он очень взрослый и умный, за то, что, несмотря на его пошлое воспитание, он умеет быть порядочным с порядочными людьми, за то, что он сказал сейчас про тучу торжественно-эпическим тоном, как древний сказитель о славной дружине Олега.

Еще она подумала, что хорошо все-таки видеть по субботам Рюрика, Диму, Акундина, этих симпатичных ей людей. Все-таки хорошо...

Они договорились навестить завтра Рюрика и разошлись по своим делам. Евка пошла по магазинам отчасти потому, что ей нужно было кое-что купить, отчасти потому, что не хотелось идти домой.

Снег прекратился, но небо оставалось угрюмым и было похоже на старую шинель, тяжелую и плохо греющую, которой накрылся хворающий зимой город.

На троллейбусной остановке стояли всего двое — старуха в сером пуховом платке и высокий мужчина в коротком полушубке. Он нетерпеливо посматривал на часы и щурил раскосые темные глаза.

Евка остановилась и прислонилась к будке с газводой, чтобы можно было наблюдать за мужчиной. Она и не думала подходить к нему, ей было хорошо стоять так поодаль, чувствуя в груди теплые толчки сердца, и следить за милыми, дорогими движениями этого человека.

«Отпустил усы... — подумала она. — И ему очень идет. Молодит. Он стал похож на Д'Артаньяна средних лет... А в пальто, конечно, свернутая в трубочку газета. Не подойду, он куда-то спешит...»

Но вдруг ей стало страшно, что вот сейчас подойдет троллейбус, и этот человек уедет куда-то по своим делам, и бог весть когда они еще встретятся так случайно...

«Только подойду и спрошу: скучает он по мне или нет... — подумала она. — Любопытно: скучает или нет...»

Она подошла к нему сзади, тронула за рукав полушубка и негромко сказала:

— Папа.

Он вздрогнул, обернулся и...

Он взял в ладони ее лицо и, взволнованно и радостно вглядываясь в него, быстро сказал:

— Евочка, детка моя родная!.. Откуда ты здесь, что ты тут делаешь?

Но Евке важно было задать ему сейчас тот вопрос.

— Ты шкучаешь по мне? — теплые отцовские ладони не выпускали ее мордочку, поэтому слова звучали смешно и шепеляво, как будто Евке было три года. — Шкучаешь по мне?

Отец засмеялся, сказал:

— Скучаю, конечно, детка моя. — Он отошел чуть-чуть назад. — Как ты вытянулась! Какая ты стала хорошенькая! Повернись. Тебе мало это пальто. На днях купим новое...

Он говорил, быстро перебивая себя, смеясь и жадно дыша на озябшие Евкины руки.

— А я был у тебя три раза, но не застал.

— Я не живу дома, — улыбаясь и разглядывая его, сказала она. — Я живу уже полгода у маминой тети. Тетя Соня, помнишь? Я не могла больше жить одна в пустой квартире, это очень тяжело. Ты спешишь куда-то?

— Что ты! — сказал он. — Мы не виделись полгода... Я так рад, что встретил тебя!

— А я с репетиции. Помнишь, я тебе говорила, что играю в оркестре? Не помнишь... Если ты не слишком торопишься, сядем в том скверике на скамейку... Там хорошие скамейки...

— Да, да, конечно... — сказал отец.

Они сели. Отец достал пачку сигарет, закурил.

— Ты куришь? — улыбнувшись, заметила Евка. — Удивительно. Не поддаваться соблазну в юности и начать курить в сорок лет...

— Эта тетя Соня к тебе хорошо относится?

— Она по-своему ко мне привязана. А я нет. Ты же знаешь, я человек без привязанностей...

— Мама пишет? — осторожно спросил он, глядя в сторону. А Евка смотрела прямо ему в лицо, улыбаясь и вглядываясь в морщинки у глаз. Вблизи отец не казался таким молодым... Она смотрела на свернутую трубочкой, торчащую из кармана газету, и ей было хорошо и спокойно, как в детстве, когда все они были вместе.

— Мама пишет, шлет деньги, зовет к себе, в общем, делает все, что в таких случаях полагается делать... Но я не поеду, я не нужна ей... — Евка вдруг вспомнила Акундина и спокойно сказала: — Мама в расстроенных чувствах, ты же знаешь... Она второй год в расстроенных чувствах...

Она тебя любила больше, чем меня, наверное, поэтому уехала, когда ты... ушел...

— Маму не надо осуждать, Евочка, — так же осторожно сказал отец.

— Ни в коем случае... — подтвердила она. — Я не судья, папа. Да и бесполезно осуждать женщину, которая может два года жить вдали от своего ребенка. Это уже бесполезно... Я ни к кому не привязана, поэтому не имею права осуждать ни маму, ни тебя. — Она помолчала. — Я только давно хотела спросить тебя, папа... Я понимаю, что любовь к женщине может пройти... Но мне всегда казалось, что любовь к своему ребенку, во всяком случае пока он жив, — чувство непреходящее. Разве это не так? Ты можешь расценивать это как простое любопытство. Простое любопытство, потому что, видишь, мне уже не больно говорить об этом, я говорю спокойно, как говорят о давно умершем близком человеке. Единственно, что бывает больно по вечерам, — это то, что я совсем одна...

— Евочка... я... я замотался совсем... — заборотал отец. — С семьей, с квартирой... Я же предлагал тебе жить с нами, ты отказалась...

— Я не судья, папа, — мягко улыбаясь, повторила Евка. Она протянула руку к его лицу и про-

вела мизинцем по левой полоске усов. — Кто-то изобрел прекрасную формулу — «Жизнь — сложная штука». Это замечательный щит для всех от всего на свете. «Жизнь — сложная штука» — и basta! Как объяснение и оправдание всех ошибок в мире. А я не судья, чтобы осуждать, и не Христос, чтобы прощать. Я, папа, просто равнодушный человек...

Отец оторвал наконец взгляд от снега и задумчиво и горько посмотрел на нее.

— Ты стала совсем взрослой.

Евка вздохнула и удивилась про себя своему спокойствию. «Ну же, — сказала она себе, — что же ты молчишь? Что же ты не скажешь ему всего, что накопила ночами? Помнишь, ты мечтала о том, как встретишь его и бросишь в лицо: «Вы оба — предатели! Вы оба бросили меня. Ты — ради той женщины, мать — оттого, что кроме тебя ей никто не нужен. Даже дочь! Вы убили меня в четырнадцать лет! Я не живу. Я совсем одна на свете...»

Но ничего этого ей не хотелось говорить. Ей было жалко человека, который, в сущности, был намного счастливее ее. Почему-то жалко...

И чтобы переменить тему и закончить этот тяжелый и никому не нужный разговор, она на-

чала рассказывать об оркестре, о Диме, Акундине... Рассказывала она долго и остроумно, даже упомянула о тарелке, по которой можно щелкнуть пальцами и сказать: «Прошло двадцать лет»... Отец с нежностью смотрел на ее оживленное личико, раскосые глаза и постепенно разулыбался, разошелся...

— Ну, пошли, я посажу тебя на тралик, — сказала она отцу. — Ты, должно быть, здорово опоздал куда-то.

Они стояли на остановке обнявшись, и им обоим было хорошо.

— А ты знаешь, у тебя месяц назад братик родился, — сказал отец.

— Уповаю на Бога, что ты не назвал его Адамом. И, думаю, Бог мне поможет в этом деле, ведь будет оскорблено его родительское чувство.

Отец засмеялся.

— Я назвал его Сашей, — сказал он. — Позвони мне на днях. Мы пойдем покупать тебе пальто. Номер запомнишь? — Он назвал номер.

— Запомню, — сказала Евка, зная, что не позвонит.

Подошел троллейбус. Отец вскочил на заднюю площадку и появился в морозном окне. Отсюда морщинок не было видно, и отец опять ка-

зался молодым и энергичным. Он что-то нацарапал на морозном стекле. Евка прочитала: «Позвони». Обратное это читалось: «иновзоП». Она кивнула, улыбнулась...

Троллейбус плавно тронулся, и отец помахал ей рукой. Он был уверен, что Евка позвонит...

«иновзоП... — подумала Евка и засмеялась. — Уважаемый товарищ иновзоП!»

Домой она шла пешком, не спеша, останавливаясь и поддевая носком сапога падающие с крыш сосульки.

Бабка сейчас, наверное, сидела дома и смотрела по телевизору этот многосерийный фильм «Четыре танкиста и собака». Евке фильм не нравился. «Какой-то анархический коллектив... — думала она. — Туда они едут, сюда они едут... Вообще создается впечатление, что если б не эти танкисты и эта собака, то немцы бы выиграли войну...»

Завернув в свой переулок, Евка удивилась так, как, вероятно, никогда в своей жизни не удивлялась. У ее калитки стоял Акундин, и это событие было как бомба, которую бросил в партер дирижер симфонического оркестра. Акундин стоял у лотка, где обычно продавали падалицу — там на ценнике всегда было написано «Яблоки

свежие (загнившие)», — и, пританцовывая от холода, смотрел на приближавшуюся Евку.

— А я тебя давно жду! — улыбаясь, крикнул он ей. — Выглянула, понимаешь, симпатичная пенсионерочка и вразумительно сказала, что Евки нет и черт знает где она шляется. Вот я решил подождать.

— Это шеф, — сказала она. — Это таежный медведь на пенсии. Не стоит обращать внимания.

Евка открыла калитку, пропустила его вперед и спросила:

— Ты просто так пришел в гости?

— Просто так, — засмеялся Акундин. — В гости. Адрес узнал у Димы. Мне почему-то захотелось прийти к тебе. Не забежать, не заглянуть, не зайти, а именно основательно прийти, посидеть и даже, знаешь, где-то что-то вроде выпить чаю...

— Не чаю, а кофе, — поправила она. — Я сделаю тебе превосходный кофе.

— Прекрасно, девочка, кофе! — обрадовался Акундин. — И, бога ради, не подумай, что я пришел потому, что ты сегодня там... на репетиции... — Он замолчал.

— Раздевайся, — улыбнулась Евка и сама сняла с него шляпу, всю в мягких паучках. — Я ниче-

го не думаю. И не церемонься с этим делом вообще. У меня даже нет болезненного самолюбия, вот насколько я равнодушный человек.

Акундин, потирая руки от холода, зашел в ее комнату и остановился на пороге.

— Это твои рисунки? — пораженно спросил он, оглядывая завешанные рисунками стены.

— Мои, — небрежно ответила она, заходя за ним в комнату. — Здесь мое — только рисунки и вон то зеркало. Если сесть на диван, можно увидеть себя в нем. Сначала нужно зажечь свечку, вот так... — Она чиркнула спичкой, и оранжевый лепесток огня задышал теплом и тем еле уловимым Евкиным запахом, который исходил от ее рисунков и жил в углах комнаты.

— Когда свечка зажжена, можно сесть на диван и увидеть в зеркале девушку, вот так...

Акундин обернулся и увидел в глубине зеркала неясное пятно лица, длинные темные волосы, беспомощные углы плеч...

— Это человек, который мне неприятен, — сказала Евка. — Я, знаешь, ее презираю. Вялое и равнодушное существо, которое никому не нужно. Садись в кресло, Акундин, напротив меня. Сейчас ты получишь обещанный кофе. — Она вышла на кухню.

Акундин зажмурился, устало потер ладонями лицо: он все еще не согрелся, — встал и остановился у портрета Хемингуэя, сделанного тушью. Рядом висел акварельный Арлекин. Длинный рот его был растянут в мучительно-веселую гримаску, морщины у рта были глубже, чем на лбу. Красный колпачок свесился с головы и закрыл ему один глаз, а другой глаз смотрел на Акундина насмешливо и печально одновременно. «Ну что, борода? — спрашивал он. — Поведай-ка нам какую-нибудь консерваторскую сплетню».

Евка появилась в дверях с двумя чашками кофе, поставила их на столик и весело сказала:

— Прощу, сэръ. Я плохая хозяйка, но ты просто не обращай на меня внимания.

Акундин обернулся к ней и тихо спросил:

— Девочка, слушай, ты... в самом деле совсем одна? Как же ты живешь? — еще тише спросил он.

— Ого, какой трагический тон! — улыбнулась Евка. — Садись и пей кофе, пока он не остыл... А я привыкла, я два года уже одна. Ну, и все-таки бабка где-то близко обитает, газеты любит вслух читать, через стенку слышно...

Евке было хорошо, ей было просто здорово, оттого что пришел Акундин. Он сидел в кресле, по-домашнему скрестив ноги, грел озябшие руки

о чашку с горячим кофе и был похож на молодого Чехова. Может быть, благодаря этому сходству он казался необыкновенно добрым и мягким... И необыкновенно порядочным...

И разговаривали они не так, как на репетициях. Их разговор был совсем не похож на то ловкое жонглирование фразами. Временами Акундин замолкал и задумчиво смотрел на огонек свечи, потом спохватывался, улыбался и начинал рассказывать, как летом жил с друзьями в горах, и как в гости к ним приходил один осел. Он сожрал у Димы кусок поролонового матраса, на котором Дима спал, и поэтому осла прозвали «Поролон». Потом он приходил с ослицей. Серенькой и грустной. И она была «Подруга Поролона». Евка счастливо улыбалась и время от времени удивленно спрашивала: «Ей-богу?»

— Бога, безусловно, нет, — серьезно сказал Акундин. — А если даже он есть, то это такая скотина, какой свет не видывал...

Евка согласилась с ним.

Впервые за два года ей было хорошо. Хорошо с этим в общем-то чужим и в то же время таким теплым, добрым, уютным человеком... Потом, в коридоре, Акундин долго надевал ботинки и чертыхался, потому что они были мокрыми и

По субботам

разбухшими от снега. Евка сняла с гвоздя его пальто и вдруг засмеялась — у щеголя Акундина на пальто вместо вешалки был пришит кусочек бельевой веревки. И это было особенно смешным... Самым смешным событием за этот день.

Она проводила его до калитки и еще с полминуты глядела вслед, подпрыгивая на снегу в домашних тапочках. То на одной ноге, то на другой.

Акундин два раза оборачивался, кивал бородой, и в эти моменты по какому-то дурацкому смешению в Евкиной голове исторических лиц и литературных героев был опять ужасно похож на оперного царя Бориса Годунова, у которого вместо вешалки на пальто пришит огрызок бельевой веревки...

Содержание

По субботам	5
Этот чудной Алтухов	28
Когда же пойдет снег?	57
Концерт по путевке «Общества книголюбов»	123
Астральный полет души на уроке физики	137
Дом за зеленой калиткой	153
«Все тот же сон!..»	173
День уборки	208
Терновник	242